

УДК 94(47).084.1

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-264-280

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ДЕЯТЕЛИ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА
В ВОСПРИЯТИИ ВОЕННОГО АТТАШЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
АЛЬФРЕДА НОКСА¹**

О.С. Поршнева

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия, o.s.porshneva@urfu.ru

В статье предпринята интерпретация текста мемуаров Альфреда Нокса «Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 гг.» с целью реконструкции политических процессов Русской революции 1917 г. в восприятии западного очевидца. Рассматривается истолкование автором предпосылок революции, факторов ее развития, причин победы большевиков; анализируются характеристики событий революции, роли отдельных ее деятелей, особенностей политической культуры русского народа, данные Ноксом. Показано, что главной темой повествования Нокса является описание состояния русской армии в тесной связи с анализом военного потенциала России как союзницы, проблемы межсоюзнического взаимодействия.

Ключевые слова: Нокс, мемуары, Русская революция 1917 г., политические процессы, русская армия, русский народ

Введение. Революция 1917 г. в России произошла в условиях продолжающейся Первой мировой войны, в которой страна воевала в составе могущественной международной коалиции. В процессе военных, дипломатических, политических, экономических контактов союзников – их правительств, командований, армий, делегаций, представительств – формировался личный опыт и складывались личные впечатления участников и очевидцев событий. Многие представители союзнических военных и дипломатических миссий, ставшие очевидцами Русской революции 1917 г., наблюдавшие происходившие процессы, создали тексты, зафиксировавшие их впечатления. Одним из таких

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

текстов являются мемуары «Вместе с русской армией» [1] генерал-майора Альфреда Нокса, служившего в 1911–1917 гг. военным атташе британского посольства в России.

Исследование мемуарной литературы, в которой отражены революционные процессы 1917 г. в восприятии западных очевидцев, способствует осмыслению феноменов русской политической культуры и социально-политической мифологии, ярко проявившихся в переломную историческую эпоху. Изучение восприятия «Другого» в конкретно-историческом контексте межкультурных взаимодействий позволяет не только воссоздать ментальные характеристики субъекта восприятия, но и выявить те черты сознания и поведения наблюдаемого объекта, которые «не видны» ему самому или получают иное толкование в силу преломляющего воздействия ценностей собственной культуры.

Союзническое взаимодействие стран Антанты накануне и в годы Первой мировой войны рассматривалось Е.В. Рудой [2], Е.Ю. Сергеевым [3], Б.И. Колоницким [4; 5; 6], Н. Соулом, А.Б. Давидсоном [8; 9], Е.С. Сенявской [10], Норрисом Стефеном [11], А.В. Голубевым [12], Д.П. Адамовым [13] и другими авторами в тесной связи с проблемой взаимовосприятия представителей данных социумов и культур. Так, анализ А.Б. Давидсоном основных тенденций формирования и эволюции образа Британии в России и образа России в Британии в контексте российско-британских отношений XIX и XX в. позволил обосновать положение о резком усилении взаимных симпатий двух народов накануне и в годы Первой мировой войны. Оно было ознаменовано развитием культурных контактов, способствовавших лучшему взаимопониманию и преодолению негативных стереотипов [8, с. 54–55]. А.Б. Давидсон также отмечал, что, несмотря на указанный тренд, непонимание и взаимные фобии не только сохранялись в обществах двух стран, но и были актуализированы в период революции 1917 г. [8, с. 55].

Д.П. Адамов показал, что, несмотря на рост симпатий к России в английском обществе в 1907–1916 гг., многие представители интеллигенции, либеральной и демократической общественности Великобритании выступали против союза с ней как «реакционной», авторитарной и «деспотической» державой [13, с. 54–55]. Адриан Грегори в своем исследовании британского общества в условиях мировой войны привел многочисленные свидетельства того, что в связи с ее началом настроения в пользу нейтралитета находили в нем яркие и разнообразные выражения, при этом они были *в большой степени антироссийскими* (курсив мой – О.П.) [14, с. 19–24]. Однако английские консерваторы – сторонники альянса с Россией, одним из которых был А. Нокс, были убеждены в необходимости использовать его в практических целях ведения войны, в интересах Великобритании и стран Согласия.

Книга генерала Альфреда Нокса «С русской армией, 1914–1917 гг.» занимает особое место среди источников по отечественной истории XX в. А.М. Захаров в статье, посвященной описанию А. Ноксом событий Февральской революции 1917 г., провел источниковедческий анализ его воспомина-

ний, справедливо заметив, что «на труд британского военного атташе... охотно ссылаются исследователи самых разных аспектов истории первой мировой войны и двух русских революций 1917 года. Подробный же анализ самой книги Нокса ранее не проводился» [15, с. 88]. А.М. Захаров охарактеризовал мемуары как комплексный источник личного происхождения, в основе которого – «дневник Нокса, точнее, его часть, посвященная событиям 1914–1917 гг. (остальную часть по неизвестным причинам генерал не счел нужным публиковать, хотя и упоминает о ее существовании)... Дневник вполне типичен для английского джентльмена из высшего света начала XX века – скрупулезная точность в хронометраже событий, простой и ясный язык, редко прорывающиеся наружу эмоции, подчеркнутое внимание к людям, нежели к событиям... Дневник, тем не менее, является лишь основой, но не самой книгой. Нокс на базе дневника создает мемуарное произведение. Дневник регулярно комментируется автором, достаточно часты включения документов (в основном в газетных их версиях), цитаты из листовок и прокламаций» [15, с. 88].

На основе записей дневника и комментариев к ним можно реконструировать восприятие Ноксом событий и политических процессов революции 1917 г. Несмотря на то, что более поздние впечатления, опыт участия в российской Гражданской войне на стороне белых, знание о последствиях наблюдавшихся им процессов оказали определенное влияние на характер комментариев, анализ текста воспоминаний показывает, что дух первоначальных записей, «хронометрирующих» события, и их оценок совпадают, не противоречат друг другу. Это позволяет изучать данный источник как свидетельство очевидца, убедившегося в правильности своих первоначальных впечатлений, которые, однако, могли быть акцентированы, что делает их еще более «выпуклыми» для исследователя.

Исследование проблемы. Восприятие А. Ноксом событий Русской революции 1917 г. во многом определялось основополагающими западными политическими ценностями, приверженностью идеалам конституционализма и парламентаризма. Являясь выразителем этих ценностей, Нокс критически характеризовал самодержавный строй России. Так, он писал в своих мемуарах: «Принцип выборности и принцип свободы союзов всегда отвергался в России» [1, с. 542]. Признавая необходимость либеральных реформ в России, он понимал их потенциальную опасность в условиях войны и сочувствовал в связи с этим «трагической» позиции русских либералов: «В интересах России и ее союзников, – писал он, – следовало просто перейти к конституционной форме правления. Трагедия такой позиции лежит в том, что грамотные патриоты в стране, по чьей инициативе мог быть осуществлен такой переход, из чувства патриотизма и верности союзникам пытались как можно дольше отсрочить революцию, лучше всего до конца войны. Скрепя сердце они были готовы на время смириться с любым злом, которое исходит от правительства, чем пойти на ослабление страны, которое могло бы произойти в результате возможных беспорядков при смене правительства в России» [1, с. 506–507].

Самодержавный режим, царское правительство, по его мнению, не справились с управлением страной в сложных военных условиях, дискредитировали себя в глазах всех слоев населения, что и привело к их свержению в ходе Февральского переворота. «Мятеж 12-го числа (12 марта по европейскому календарю – *О.П.*)¹, – пишет Нокс, – никогда не вылился бы в революцию, если бы правительство в своей безнадежной тупости прежде не успело настроить против себя все слои населения» [1, с. 506].

Немало страниц дневника военного атташе посвящены оценке событий Февральской революции. А. Нокс описывает Февральскую революцию как стихийный взрыв народного недовольства, который ярко продемонстрировал недееспособность и непопулярность старой власти. 13 марта (28 февраля по ст. ст.) он записал в дневнике: «Каждый из эшелонов, прибывающих с фронта для того, чтобы “подавить выступления”, переходит на сторону революции» [1, с. 505].

Россию, как свидетельствует Нокс, захлестнули после переворота митинговщина и анархия, обусловленные, по его мнению, особенностями политической культуры русского народа, понимающего свободу как «свободу говорить и ничего не делать». Нокс пишет по этому поводу: «Когда победила “свобода”, не было ничего удивительного в том, что всеми овладело стремление избирать, а точнее, быть избранным, а также собираться в союзы. И никто из тех, кто был знаком с русским характером, не удивлялся тому, что “свободу” здесь понимали как свободу без конца говорить и при этом ничего не делать» [1, с. 542] (курсив мой – *О.П.*)². Автор приводит и косвенное, личностное свидетельство такого восприятия событий переворота его слугой Иваном, человеком из народа, который считает, что «все “прекрасно организовано!”» (на самом деле, фиксирует Нокс, идет перестрелка и толпы вооруженных людей разъезжают повсюду в автомобилях...). «По его словам, – пишет Нокс, – в Михайловском манеже назначены ораторы, которые просвещают народ. Любой может туда попасть по желанию. Это представляется моему слуге пределом человеческого счастья (курсив мой – *О.П.*)». В своем объяснении Нокс не учитывает, как это очевидно, фактор эйфории, переживаемой в России в связи с крушением вековых устоев, переходом к «свободной» жизни, потребности осознать это, «выговориться», характерной для революционных эпох.

А. Нокс показывает широкую панораму событий и процессов, влиявших на развитие революции. Важным фактором нарастания революционной анархии было, в видении автора, нежелание солдат Петроградского гарнизона идти на фронт и отсутствие воли новой власти к подавлению произвола и насилия со стороны солдат и матросов [1, с. 504, 506]. Другим роковым явлением, по

¹ В дневнике А. Нокса все даты приведены по европейскому календарю.

² В дневнике привычка «больше говорить, чем делать» оценивается как характерная черта русского характера: См. с. 641.

мнению Нокса, стало создание Совета и деятельность социалистов в нем. По представлению военного атташе, создание Совета было нелегитимным, так как противоречило принципу демократического представительства всех слоев населения: «В качестве оппозиции к Временному комитету, *выбранному из представителей народа* (курсив мой – *О.П.*), был созван Совет» [1, с. 502]. Следует отметить, что Временный комитет Государственной Думы был сформирован Советом старейшин Думы по поручению частного совещания депутатов 27 февраля (12 марта), являлся чрезвычайным правительственным органом «для водворения порядка в Петрограде и для сношений с учреждениями и лицами во главе с Родзянко» [16, с. 81], а не был избран представителями народа, как пишет Нокс. В отвержении Советов, как представляется, ярко проявилось неприятие Ноксом зарождавшейся в условиях российской революции классовой демократии, ее принципов и практики.

Нокс осуждает неспособность Временного правительства управлять событиями, нежелание его деятелей трезво оценить обстановку, отказаться от пустых речей, навести суровыми мерами порядок. Он приводит метафору, использованную Г.Е. Львовым для характеристики Временного правительства как «соломы, которую сносит мощным вихрем урагана», и замечает по этому поводу, что Временное правительство «пыталось спасти положение, апеллируя цветистыми речами к не существующему в массах патриотизму» [1, с. 524]. Если в дни Февральской революции он признает стремление думского Комитета и его преемника Временного правительства «спасти положение и подчинить его интересам России и ее союзников» [1, с. 507], то в августе в его дневнике звучит уже явное разочарование: «Самодержавие почти подвело Россию к военной катастрофе, но вялость нового правительства за четыре месяца его существования принесла стране больше вреда, чем самодержавие за предыдущие два с половиной года» [1, с. 602].

Со страниц дневника перед нами предстают официальные лица разных государственных структур – военных и гражданских, которых, в изображении А. Нокса, характеризуют и объединяют неоправданный оптимизм, недальновидность, недооценка объективных трудностей управления Россией в условиях войны и революции. Так, в ответ на опасение военного атташе по поводу невозможности продолжения Россией войны М.В. Родзянко, как свидетельствует Нокс, ответил: «“Мой дорогой Нокс, вам не следует волноваться. Все идет нормально. Россия – большая страна, она может одновременно выдержать и войну, и революцию”. Было точно сказано, – комментирует Нокс, – что Россия большая и неповоротливая страна, и это только усугубляло положение» [1, 511].

«Оптимизм, который в то время владел, главным образом, официальными лицами, вызывал удивление» [1, с. 524], – пишет Нокс. Неоправданный оптимизм в оценке обстановки, боеспособности и морального духа русской армии проявляли, по свидетельству военного атташе, Г.Е. Львов, А.Ф. Керенский,

Верховский, члены Петроградской городской управы и Генерального штаба [1, с. 530, 532, 625, 635].

Характерной чертой мемуаров Нокса является изображение личных качеств политических и государственных деятелей в тесной связи с их способностью к управлению Россией в военных условиях, обеспечению успешных военных действий. Так, оценивая и отчасти оправдывая Николая II, Нокс замечает: «Как муж и отец Николай II был идеальным человеком. И если ему не удалось правление, то еще более знаковая неудача его последователей доказывает, что управлять Россией – нелегкая задача!» [1, с. 513].

А. Нокс неоднократно обращается к фигуре А.Ф. Керенского, который, по его мнению, проявляет недальновидность [1, с. 529], отсутствие здравого смысла, непомерное и слепое тщеславие [1, с. 530, 615]. Так, в записи от 9 апреля он говорит: «На общий совет придерживаться здравого смысла, – пишет Нокс, – Керенский, обладавший *колоссальным тщеславием* (курсив мой – О.П.), отвечал “Оставьте!” под тем предлогом, что он лучше знал своих соотечественников, которых считал сверхлюдьми без характерных для любого человека недостатков» [1, с. 530].

Признавая способность Керенского управлять толпой за счет актерских качеств, Нокс отказывает ему в качествах не только великого человека, но и государственного деятеля: «Керенский до сих пор остается единственным, кто хоть как-то может управлять толпой, а в народе, должно быть, поражаются, как это им не удалось создать более крупную фигуру. У этого человека присутствуют актерские качества, как это было у Наполеона, но нет душевной силы и разумной жестокости последнего» [1, с. 604].

Нокс видит причины конфликта Керенского и Корнилова, приведшего к провалу корниловского выступления, в личных качествах этих двух деятелей, обладающих «совершенно разными характерами и придерживающиеся диаметрально противоположных принципов» [1, с. 610]. При этом симпатии Нокса всецело на стороне Корнилова, хоть автор видит и его слабости: «Корнилов прямолинеен, как солдат, обладает сильной волей, очень храбр. Он убежденный патриот, но не политик. Этот человек прост и честен, он не имеет ни малой толики личных амбиций. Для него Россия и российская национальная честь всегда были важнее всего. Керенский, мелкий адвокат из Саратова¹, всю свою жизнь посвятил политической деятельности. Он коварен, тщеславен и амбициозен. Перед самой революцией он был пацифистом. У него на первом месте – революция, а Россия – уже на втором» [1, с. 611].

Оценивая в конце октября роль Керенского в провале корниловского выступления, Нокс пишет: «Авантюра Корнилова могла бы стать спасением для России, если бы Керенский открыто выступил на стороне генерала-патриота. Но, наверное, этого было бы слишком много для человека с биографией Ке-

¹ Нокс, видимо, посчитал, что Керенский, родившийся в Симбирске, – из Саратова, в связи с тем, что тот прошел в IV Думу от Вольского уезда Саратовской губернии.

ренского... премьер-министр испугался любых переговоров, так как принятие этого курса дало бы в руки экстремистов в Совете оружие, с которым они могли бы выступить против его положения как политика. К сожалению, Керенский *был далек от того типа великой личности, которого требовали те времена* (курсив мой – О.П.)» [1, с. 621–622].

Характерно, что Нокс с провалом корниловского выступления связывал и крушение надежд на восстановление эффективного взаимодействия русской армии с союзниками [1, с. 623]. Прискорбными были последствия этого провала и по мнению другого представителя британской военной миссии – исполняющего обязанности военного атташе в Петрограде полковника Дж. Блэра. Он оценивал состояние русской армии после «авантюры Корнилова» как безнадежное, когда русского солдата, ставшего хозяином положения, уже ничем нельзя было заставить продолжать войну, не только ради союзников, как отмечает Блэр, но и ради защиты родины [17, с. 25–26].

Одну из причин несостоятельности политических и военных лидеров Русской революции 47-летний консерватор Нокс видит в их молодости: «В конце концов, они оба, и Терещенко, и сам Керенский – всего лишь мальчишки, и их переполняет юношеский энтузиазм!» [1, с. 555]; о помощнике командующего Петроградским военным округом Кузьмине, бывшем солдате, а затем политическом каторжнике, он говорит: «...этот человек производит впечатление очень серьезного *невинного ребенка* (курсив мой – О.П.): он не знает абсолютно ничего» [1, с. 557]; «Полковников тоже слишком молод для своей должности», – пишет Нокс [1, с. 626] и т.д.

Нокс видит причину успеха большевистского переворота не только в несостоятельности политики Керенского, но и в том, что большевики, в отличие от Временного правительства, были людьми действия: «Большевистский переворот в Петрограде был работой горстки фанатиков. Он увенчался успехом, отчасти оттого, что эти фанатики оказались людьми действия, совращали деньгами, вином и обещаниями вооруженных рабочих, матросов и небольшую часть солдат гарнизона. Главной же причиной стало то, что Керенский в своем стремлении угодить умеренному крылу социалистов, которые умели только говорить, полностью провалился как правитель. Он умудрился отвлечь от себя тех единственных людей действия, которые могли бы защитить его – офицеров и казаков» [1, с. 649]. В объяснениях Ноксом причин победы большевиков проступает непонимание им социальной природы «Октября», фактора вовлечения в революцию широких низовых масс, недооценка роли выдвинутых большевиками привлекательных для масс лозунгов.

Нокс осуждает большевиков за арест лидеров кадетов, призыв не допустить в Учредительное собрание «врагов народа, помещиков и капиталистов», рассматривая это как попрание принципов демократических выборов. Он приводит фрагмент из воззвания большевиков от 11 декабря, в котором провозглашается идея классовой демократии: «Страну спасет только Учредительное

собрание из представителей трудящихся и эксплуатируемых классов...» и комментирует: «И это называется демократией!» [1, с. 660].

На основе записей дневника можно реконструировать представления Нокса о характере русского народа. При этом Нокс опровергает распространенные автостереотипы русских, давая им свое толкование. Так, он отмечает распространенность среди всех категорий русских людей стереотипа представлений о широте русской души, что, на его взгляд, не вполне соответствует реалиям и главное, препятствует трезвой самооценке и рациональному поведению. Он приводит мнение «бывшего актера»: «С широкой русской натурой возможны такие эксперименты, о которых не может быть и речи в западных странах» и комментирует: «“Широтой” русской природы любили объяснять любую нелепость. Нам же нужно лишь пусть чуть более узкое чувство здравого смысла» [1, с. 523]. Именно вера многих политиков и военачальников в особые свойства русского народа, как кажется Ноксу, была основой их неоправданного оптимизма в оценке состояния русской армии. Так, например, Нокс пишет: «Генерал Драгомиров ... ожидает психологического чуда. Он заявил, что ни он, ни тем более я не можем знать, что может происходить в душе русского крестьянина» [1, с. 545]. Об этом же свидетельствует описанный Ноксом разговор с помощником военного министра князем Тумановым, состоявшийся 5 августа. Туманов заявил Ноксу: «Ваш пессимизм основан на голых цифрах, но вы не берете в расчет прекрасную русскую душу!» [1, с. 602]. Широкое распространение представлений об особых свойствах русского народа, зафиксированное Ноксом, было проявлением формирования в условиях революции культа «народа», политического мифа о «народе» как источнике высших добродетелей и высшей властной легитимности.

Помимо необоснованного оптимизма официальных лиц прекраснодушие и отсутствие рационального расчета проявлялось у русских во многих ситуациях, например, в неоправданном, по мнению Нокса, человеколюбию по отношению к военнопленным: «Повсюду царит волна необычного человеколюбия. Явно невозможно назвать ни одну другую воюющую страну, где бы военнопленные объявляли забастовку, требуя повышения оплаты труда и лучших условий для жизни!» [1, с. 548–549].

Эмоциональность, действия по велению чувств, а не рассудка, – характерная черта, в оценке Нокса, простого русского человека [1, с. 545]. Другие отличительные особенности крестьян и солдат, по его мнению, – невежество, неграмотность, из-за которых они «глупы»¹ [См: 1, с. 525, 578] и подобны детям, не понимающим последствий своих поступков. Он пишет: «Ведь в груди этого народа действительно бьется великое сердце, а солдаты в своем большинстве – *всего лишь дети*» (курсив мой – *О.П.*) [1, с. 525]. «Глупость» и наивность солдат проявлялись, как показывает Нокс, во время братаний: «Русский крестьянин во время ответного (к немцам в окопы – *О.П.*) визита

¹ Нокс прямо пишет об «откровенной глупости солдат», приводит «доказательства».

рассказывал все, что он знал о своих войсках, и возвращался к себе счастливым и пьяным» [1, с. 539].

Характерно, что стереотип представлений о том, что «русские – как дети» был характерен и для других членов британской военной и дипломатической миссий [17, с. 23]. Он отражал широко распространенные в британском обществе представления об отсталости, «варварстве» России, в рамках которых русские, даже представители элиты, казались британцам дикарями или, в лучшем случае, наивными импульсивными детьми, что во многом совпадало с британскими представлениями о «нецивилизованных» народах вообще [13, с. 54]. Во многом сквозь призму этих стереотипов, актуализированных социально-политической и военной ситуацией, воспринимались реалии революции, поведение солдат русской армии.

Помимо усталости от войны и «отсутствия патриотизма» в большой степени невежеством и неосведомленностью русских солдат, по мнению Нокса, объяснялся успех германской пропаганды: «В прокламациях, которые противник передавал в русские окопы, всегда указывалось, что настоящим врагом России была Антанта» [1, с. 539]. Нокс с негодованием пишет: «Что может русский солдат знать о “мире без аннексий и контрибуций”, формуле, изобретенной в Берлине специально, чтобы ввести его в заблуждение? Многие считают, что Аннексия и Контрибуция – это такие два города, и один из солдат на вопрос, понимает ли он этот лозунг, заявил, что лично он не знает, где находится Аннексия, зато Контрибуция точно располагается «где-то в Турции!». Наверное, он путает это название с Константинополем!» [1, с. 569]. Нокс пишет также о непонимании солдатами данной формулы [1, с. 586]. Неосведомленность большинства солдат о ее смысле подтверждается другим, более благожелательным автором – французским славистом, членом французской военной миссии Пьером Паскалем в его «Русском дневнике». Так, он отмечает в мае 1917 г.: «Модная формула, в которой два иностранных слова – “аннексии” и “контрибуции” – были непонятны большинству из тех, кто их употреблял» [18, с. 191].

Колониальные стереотипы и позиция культурного превосходства проявляются у Нокса не только в олицетворении им русских солдат-крестьян с детьми/дикарями, но и в утверждении о необходимости внешнего контроля над их поведением, в отсутствие которого они, по его мнению, повинуются примитивным инстинктам. «Не его вина, – пишет Нокс, – в том, что он не образован и не обременен благородными инстинктами ... сейчас, после того, как контроль, к которому он привык, утрачен, он будет двигаться именно в этом направлении (мира любой ценой – *О.П.*)». Об этом же в другом месте он пишет: «все люди устали от войны. Они не желали сражаться, а их *невежество и душевная черствость* (курсив мой – *О.П.*) делали их способными с готовностью принять любой предлог, каким постыдным и надуманным он ни был, лишь бы он обеспечивал достижение мира» [1, с. 605].

С невежеством, «примитивностью» русского народа Нокс связывает и отсутствие у него подлинного патриотизма и осознанного понимания долга. В апреле 1917 г. он записал: «Энтузиазм, который заставлял французов бросаться в короткие битвы революционного периода, здесь невозможен, а даже если и будет так, то этого недостаточно для того, чтобы вести неграмотного русского солдата через череду тяжелых боев современной войны. Прежде солдат сражался, потому что боялся офицеров и наказания. Теперь он полностью потерял уважение к офицерам и знает, что его никто не накажет. У него отсутствует патриотизм и любой другой мотив, который заставил бы русского солдата испытывать энтузиазм» [1, с. 545]. Автор дневника, очевидно, не учитывает разочарования русских солдат в войне, обусловившего поворот от патриотических настроений к антиправительственным и антивоенным, подспудно зревшим в низах армии с середины 1915 г.

Еще одной чертой образа русского народа в восприятии Нокса являлась недисциплинированность, признаваемая, по его свидетельствам, также образованными русскими [1, с. 532, 562, 578, 603]. 14 апреля в своей записке, переданной для Львова, он отмечал: «В современной войне дисциплина решает все. Дисциплина в русской армии при прежнем режиме всегда была менее строгой, чем в других армиях. Если агитация будет разрешена, как это происходит сейчас, с дисциплиной будет покончено совсем» [1, с. 532].

Отсутствие у русских, как это представлялось Ноксу, уважения в низах к вышестоящим, «благородным» и образованным¹, получило отражение на страницах дневника не только при описании разложения армии, солдатских расправ с офицерами, но и в других характерных эпизодах. Так, например, Нокс пишет по поводу совещания, проводимого Кузьминым, следующее: «Идея собрать 40 офицеров в звании полковника для того, чтобы изложить им взгляды бывшего каторжника по ряду вопросов, *выглядит очень по-русски* (курсив мой – О.П.)» [1, с. 558], а в другом месте приводит слова полковника Балабана о способности русского человека всегда «свободно, не обращая внимания на чины, говорить с теми, с кем не имеет права этого делать» [1, с. 603].

Еще одно характерное представление Нокса – о способности русских к свободному изложению мыслей. Описывая ход бесед с солдатами гвардейских запасных частей весной 1917 г., он отмечает, что после рассказов английских офицеров о дисциплине и порядках в британской армии «обычно далее следовали речи нескольких членов батальонного комитета. Все говорили свободно и гладко, *так как русские вообще являются прирожденными ораторами* (курсив мой – О.П.) [1, с. 521]. В данном случае автор не учел, что в солдатские комитеты в революционное время выдвигались прежде всего

---

¹ Это можно объяснить, на наш взгляд, длительным социокультурным отчуждением «низов» и «верхов» русского общества, переросшим в глубокий социальный конфликт в условиях революции 1917 г.

те, кто мог хорошо говорить и убеждать солдат, часто – выходцы из интеллигенции, служащих, прапорщики военного времени.

Проявляя непонимание глубины противоречий русской жизни и причин озлобления рабочих, Нокс пишет: «В комитете 5-й армии в Двинске находилась делегация из Кронштадта, в которую входили матрос с одутловатым нездоровым лицом, нервный фанатичный рабочий из тех, что годами могут размышлять о причиненных ему неприятностях, в том числе и мнимых. Все это по причине недостатка свежего воздуха и физических упражнений» [1, с. 538].

Главной темой дневника А. Нокса в той части, которая посвящена революционным событиям 1917 г., является описание и анализ состояния русской армии, которое автор рассматривает в тесной связи с оценками военных усилий России как союзницы. Его беспокоит способность России выполнять свои союзнические обязательства, обеспечивать наступление на Восточном фронте мировой войны. Так, в связи с созданием в начале мая коалиционного Временного правительства 18 мая он откровенно пишет: «Боюсь, что коалиционное министерство способно сделать мало для того, чтобы усилить давление русской армии на Восточном театре. Безликая программа, которая была намечена, не даст результатов. Нашей целью является при любых обстоятельствах сохранить хоть какое-то количество русских войск на фронте, которые не дадут перебросить на Запад все немецкие силы» [1, с. 555].

Нокс показывает впечатляющую картину политизации армейского организма, деморализации солдат, разложения армии и падения ее боеспособности. Так, после поездки на Северный фронт 28 (15 по ст. ст.) апреля он пишет: «Военные части превратились в политические сообщества. Пехота отказывается стрелять в противника и запрещает это делать артиллерии. Много говорят о предательстве в стане союзников, о том, что интересы России совпадают с интересами Германии, где (на самом деле – *О.П.*) смеются над доверчивостью русских солдат – выходцев из крестьян (курсив мой – *О.П.*)» [1, с. 551]. Он рисует массовое нежелание солдат воевать, их разочарование в союзниках, равнодушие к территориальным потерям России и провозглашаемым правительством целям войны, высокую восприимчивость к антивоенной агитации, свободно проводимой в войсках «вредными элементами» [1, с. 506, 520, 537, 551, 559].

Среди объяснений отсутствия у солдат приверженности общенациональным интересам Нокс называет крестьянскую специфику восприятия «родины»: «Для среднего русского крестьянина его страной является собственный очаг на Волге или на Урале, где он родился и куда, как ему кажется, немцы никогда не смогут дойти» [1, с. 537].

Ограниченность крестьянского патриотизма горизонтами своей местности и готовность защищать родной очаг от врага, непосредственно ему угрожающего, не раз отмечалась современниками, в том числе генералами и офицерами русской армии в годы Первой мировой войны [19, с. 72; 20, том

2, с. 125; 21, с. 89; 22, с. 270]¹. Эта особенность была связана с господством традиционного патриотизма в крестьянской среде, характеризующегося приверженностью ценностям государства и региона, сохранявшейся ограниченностью горизонтов крестьянского мировосприятия.

События от Февраля к Октябрю и впечатления, зафиксированные на страницах дневника, дают, наряду с другими многочисленными свидетельствами [23], картину эволюции отношения русских солдат к союзникам. В дни Февральской революции союзническая солидарность рассматривалась солдатами как одно из условий победы над «внутренним немцем» и победоносного окончания войны. А. Нокс описывает характерный эпизод, произошедший 28 февраля у охваченного пламенем здания окружного суда, когда один из солдат, распознав, что перед ним англичане, воскликнул: «Это англичане! Мы не должны обижать их!» [1, с. 501]. Другой солдат, схватив Нокса за руку, воскликнул: «“Мы хотим только одного – до конца разгромить немцев, и мы начнем с немцев здесь, с семьи, которую вы знаете по фамилии Романовы”. Толпы на Невском, – отмечает автор, – уже вчера кричали: “Долой Сашку” (императрицу Александру)!» [1, с. 501].

Однако уже весной, и особенно с лета, недовольство союзниками получает широкое распространение в армии. Так, в апреле на Северном фронте во время беседы Нокса с солдатами 731-го полка («среднего» по настроению, по оценке автора) солдаты говорили о нежелании идти в наступление, выражая при этом разочарование в союзниках. Среди выкриков солдат Нокс зафиксировал следующие: «Англия только начинает воевать, а нам пришлось воевать все это время»; «России приходится не только защищать свои огромные границы, но и отправлять солдат во Францию и Румынию»; «У нас было много союзников, но от этого нет никакого толку. Немцы такие же люди, как и мы. Мы хотим жить в мире» [1, с. 537]. Призыв воевать за утраченные территории, отмечает Нокс, не вызвал в людях отклика. Один из солдат в ответ закричал: «И черт с этими 16 губернаторствами!» [1, с. 537].

Поддержка Петроградским Советом кандидатуры Терещенко на посту министра иностранных дел в конце апреля (мае по н. ст.) 1917 г. также, по свидетельству Нокса, была связана с негативной оценкой «старых» союзников и более позитивной – США, присоединившимся к Антанте в апреле 1917 г. В дневнике со слов Балабана записано: «Преемником Милюкова может стать Терещенко, “так как он склоняется к более тесному сотрудничеству с Соединенными Штатами, на сближение с которыми Россия готова пойти более охотно, чем продолжать следовать грабительской жестокой политике других союзников”» [1, с. 550].

Разочарование в союзниках было обоюдным. На страницах дневника находят отражение разнообразные проявления негативного восприятия Ноксом и другими представителями Антанты России и ее солдат как союзников [1,

¹ Уральская жизнь, 1914, 19 декабря.

с. 546, 593, 595, 609–610], некоторые из этих моделей восприятия характеризуются как «выражение мнения всей Англии» [1, с. 610].

Выводы. Таким образом, мемуары А. Нокса содержат не только фиксацию событий Русской революции 1917 г., но и впечатления от них и их оценки, данные очевидцем. Определяющей «призмой восприятия» А. Ноксом социально-политических процессов, получивших импульс в ходе Революции 1917 г., была проблема сохранения потенциала России как союзницы, что обусловило общую направленность оценок и ощущений автора дневника. В то же время мемуары Нокса позволяют увидеть специфику его восприятия, обусловленную особенностями личности автора дневника, его принадлежностью к одному из вариантов английской политической культуры. Записи дневника демонстрируют также ряд традиционных для общественного мнения Великобритании стереотипов в отношении России и русских, которые, как мы показали, разделял А. Нокс. Свидетельства западного очевидца позволяют увидеть широкое распространение в русском обществе в ходе революции 1917 г. мифа о народе как источнике высших добродетелей и политической легитимности, ставшего одной из идейно-психологических основ утверждения в дальнейшем власти большевиков.

© Поршнева О.С., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Уральская жизнь, 1914, 19 декабря.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Альфред Нокс*. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / Пер. с англ. А.Л.Андреева. М., 2014. Первое издание вышло в 1921 г.: «Alfred Knox, With the Russian Army 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache. V. 1–2. L., 1921».
- [2] *Рудая Е.В.* Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах // Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М.: ИРИ, 1996. С. 175–183.
- [3] *Сергеев Е.Ю.* Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX начале XX века // Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. Сб. научн. трудов. М.: ИРИ, 1996. С. 166–174.
- [4] *Колоницкий Б.И.* Британские миссии и А.Ф. Керенский (Март–октябрь 1917 года) // Россия в XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 67–76.
- [5] *Колоницкий Б.И.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 271–287.
- [6] *Колоницкий Б.И.* Занимательная англофобия: Образы “Коварного Альбиона” в годы Первой Мировой войны // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 69–87.

- [7] *Norman E. Saul*. War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, University press of Kansas, 2001.
- [8] *Давидсон А.Б.* Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51–64.
- [9] *Давидсон А.Б.* Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // Новая и новейшая история. 2007. № 1.
- [10] *Сенявская Е.С.* От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. Вып. VI. М. – Магнитогорск, 2006. С. 319–335.
- [11] *Norris Stephen M.* A War of Images. Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945. Illinois, 2006.
- [12] *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.
- [13] *Адамов Д.П.* Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42).
- [14] *Gregory A.* The Last Great War: British Society and the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, New York. 2008.
- [15] *Захаров А.М.* Генерал Альфред Нокс – свидетель и мемуарист Февральской революции 1917 года // Актуальные проблемы социальных наук. Герценовские чтения, 2005. СПб., 2005. С. 88–92.
- [16] *Демин В.А.* Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.
- [17] *Портнягин Д.И.* Британские дипломатические и военные представители о состоянии русской армии и флота в 1917 г. // Великая война 1914–1918 гг. Альманах Российской Ассоциации историков Первой мировой войны. Выпуск 3. М., 2014. С. 25–26.
- [18] *Паскаль Пьер.* Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918) / П. Паскаль; пер.с фр. В.А. Бабинцева. Екатеринбург, 2014.
- [19] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.–Л., 1929.
- [20] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939. Т. 2.
- [21] *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917. М., 1991.
- [22] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994.
- [23] *Поршнева О.С.* Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 г. // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 44–51.

История статьи:

Поступила в редакцию: 14 января 2017 г.

Принята к печати: 24 марта 2017 г.

Об авторе:

Поршнева Ольга Сергеевна – д.и.н., профессор кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Почтовый адрес организации: 620002 Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

POLITICAL PROCESSES AND FIGURES OF 1917S VIEWED BY BRITISH MILITARY ATTACHE ALFRED KNOX¹

Olga S. Porshneva

Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russia, o.s.porshneva@urfu.ru

The author offers an interpretation of Alfred Knox's memoirs "With the Russian Army. The Diary of a Military Attaché. 1914–1917" in order to reconstruct the political processes of the 1917 Russian Revolution as they were viewed by a western witness. The article considers Knox's interpretation of the Russian Revolution's pre-conditions, evolution and the causes of Bolshevik's seizing power. The author analyzes the way Knox characterizes the events, describes the actors of the Revolution and political culture of the Russian people.

The author shows that the main topic of Knox's memoirs was the Russian army conditions which he considers in connection with the analysis of the military potential of Russia as an ally and the problem of inter-allied cooperation.

The author discusses Knox's explanation and description of the Russian people's temper, his interpretation of the wide-spread Russian auto-stereotypes and his "colonial discourses".

The article shows that in Knox's opinion Russian people's self-reflection demonstrated establishing of the political cult of people/"ordinary people" as a source of the highest legitimacy. This was one of the bases of Bolsheviks' legitimacy concept and their rights for power declared on behalf of "ordinary people".

The author argues that Knox's evaluation of Russia as an ally was the main "prism of his perception" of the 1917 Russian Revolution events and Russian people's behavior at that time. The other factors which influenced Knox's explanations of particular revolutionary processes and Russian people's temper were values of the British conservative political culture and traditional stereotypes about Russia and Russians shared by Knox.

Keywords: Knox, memoirs, 1917 Russian Revolution, political processes, Russian Army, Russian People

REFERENCES

- [1] Knox Alfred. *With the Russian Army 1914 – 1917, being chiefly extracts from the diary of a military attache*. Moscow; 2014 (The first edition: London; 1921) (in Russian).
- [2] Rudaya EV. [Allies – enemies: Russia and the United Kingdom in view of each other in the years 1907–1917]. *Russia and Europe in XIX–XX centuries. Issues of mutual perception of peoples, societies, cultures. Collection of scientific papers*. Moscow: IRI, 1996, p. 175–183 (in Russian).

---

¹ The paper was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 16-18-10106 «Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Implementation Mechanisms, Design Results»).

- [3] Sergeev EYu. [The image of the UK in the perception of the Russian diplomats and the military in the late XIX – beginning of the XX century]. *Russia and Europe in XIX–XX centuries. Issues of mutual perception of peoples, societies, cultures. Collection of scientific papers*. Moscow: IRI; 1996, p. 166–174 (in Russian).
- [4] Kolonitskiy BI. [British diplomatic missions and Kerensky (March–October of 1917)]. *Russia in XIX–XX centuries: Collection of articles*. St-Petersburg: Dmitriy Bulanin; 1998, p. 67–76 (in Russian).
- [5] Kolonitskiy BI. [Functions of Political Anglophobia during the First World War]. *Rossiia i Pervaya mirovaya voyna [Russia and First World War]*. St-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 1999, p. 271–287 (in Russian).
- [6] Kolonitskiy BI. [Entertaining Anglophobia: Images of “Insidious Albion” in the years of the First World War]. *New Literary Review*. 2000; (41): 69–87 (in Russian).
- [7] Norman E. Saul. *War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence: University press of Kansas; 2001.
- [8] Davidson AB. [The image of Britain in Russia in XIX and XX centuries]. *Modern and Current History Journal*. 2005; (5): 51–64 (in Russian).
- [9] Davidson AB. [February, 1917. The Political Life of Petrograd in Allies’ eyes]. *Modern and Current History Journal*. 2007; (1): 181–197 (in Russian).
- [10] Senyavskaya ES. [From temporary alliances to the military and political confrontation: the dynamics of perception of Britain, France and the United States in the Russian and Soviet public consciousness of the first half of the XX century]. *The Problems of Russian History*. Moscow, Magnitogorsk: IRI RAN. 2006; (6): 319–348 (in Russian).
- [11] Norris Stephen MA. *War of Images. Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812–1945*. Illinois; 2006.
- [12] Golubev AV., Porshneva OS. *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn [The image of an ally in the consciousness of Russian society in the context of world wars]*. Moscow: Novyy khronograf; 2012 (in Russian).
- [13] Adamov DP. The image of the Ally: Russia through the eyes of the British public during World War I. *Ural Historical Journal*. 2014; (1):53–58 (in Russian).
- [14] Gregory A. *The Last Great War: British Society and the First World War*. New York, Cambridge: Cambridge University Press; 2008.
- [15] Zakharov AM. [General Alfred Knox – witness and memoirist of the February Revolution of 1917]. *Actual Problems of Social Sciences*. Gertsenovskie readings, 2005. St-Petersburg; 2005, p. 88–92 (in Russian).
- [16] Demin VA. *Russian State Duma (1906–1917): the mechanism of functioning*. Moscow: ROSSPEN; 1996 (in Russian).
- [17] Portnyagin DI. [British diplomatic and military representatives about the state of the Russian army and navy in 1917]. *The Great War 1914–1918. Almanac of the Russian Association of the First World War historians*. Moscow: Kvadriga, 2014; (3): 22–26 (in Russian).
- [18] Paskal’ P’er. *Russkiy dnevnik: Vo frantsuzskoy voennoy missii (1916–1918) [Russian Diary: In the French Military Mission (1916–1918)]*. Ekaterinburg: Gonzo; 2014 (in Russian).
- [19] Brusilov AA. *Moi vospominaniya [My memoirs]*. Moscow, Leningrad: Gosizdat, 1929 (in Russian).
- [20] Golovin NN. *Voennye usiliya Rossii v mirovoy voyne [Russian military efforts in World War]*. In 2 Vols. Paris: Association of joint publishers, 1939 (in Russian).

- [21] Denikin AI. *Ocherki Russkoy Smuty. Krushenie vlasti i armii, fevral'–sentyabr' 1917* [Essays on Russian Troubles. The collapse of the government and the army, from February to September 1917]. Moscow: Science, 1991 (in Russian).
- [22] Stepun F. *Byvshee i nesbyvsheesya* [The former and unfulfilled]. St-Petersburg: Aleteyya, Progress; 1994 (in Russian).
- [23] Porshneva OS. Evolution of the popular image of the allies in the 1917 Revolutionary Russia. *Ural Historical Journal*. 2014; 42(1): 43–52 (in Russian).

Article history:

Submitted: 14 January 2017

Revised: 6 March 2017

Accepted: 24 March 2017

About the author:

Olga S. Porshneva, Dr. in history, Professor of the department of Russian history at Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; Postal address of the organization: 19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia.